А. Леонтьев

К вопросу о целевой установке в деле планирования

1. План и цель

Самое понятие плана включает в себе то или иное представление о цели. Не может быть плана без цели. Когда говорят о плане, имеют в виду обычно систему, характеризуемую единством цели. Там, где нет цели, не может быть и речи о плане. Бесцельный план—это такое же внутреннее противоречие, как и бесплановый план.

Все эти элементарные истины до того самоочевидны, что не стоило бы их и повторять. Можно сказать с уверенностью, что вряд ли в какой-либо отрасли научного знания могли бы возникнуть сомнения или споры вокруг столь бесспорных истин. Но такова уж судьба экономической науки, что в ее царстве принято брать под обстрел любые истины, хотя бы они обладали бесспорностью таблицы умножения. Достаточно лишь, чтобы то или иное положение затрагивало какие-либо классовые или групповые интересы — и ожесточенная борьба вокруг него обеспечена.

Противники целевой установки в деле планирования предпочитают защищать свою точку зрения в завуалированной форме. Выставить требование—план безо всякой цели — было бы слишком уж абсурдно. Обычно развивается несколько более сложная цепочка рассуждений. План невозможен без учета об'ективной обстановки. Даже об'ективную обстановку настоящего времени мы знаем довольно плохо. Неизмеримо хуже дело обстоит в отношении будущего. Задача прогноза, предвидения об'ективного хода развития народного хозяйства необычайно сложна. В сущности, предвидение возможно лишь в отношении самых основных явлений хозяйственной жизни. Но и здесь частенько встречаются неразрешимые уравнения со многими неизвестными. Отсюда вытекает довольно своеобразная трактовка плана. Задача плана, в сущности, сводится к предвидению (да и то далеко неполному) стихийного, об'ективного хода хозяйственного развития. „План", согласно этой концепции, сводится к далеко несовершенному прогнозу того динамического процесса, который протекает вне всякого и безо всякого плана. Надо ли добавлять, что эта концепция, какими бы фразами она ни прикрывалась, по существу отрицает всякую возможнось планирования в условиях советской экономики?

Не трудно также понять и классовые чаяния, выраженные в подобной оценке сущности планового начала. Для социалистического

сектора хозяйства СССР сведение планирования к установлению прогноза равносильно отрицанию социалистической сущности этого сектора. С другой стороны, если ограничиться одним лишь прогнозом развития необобществленных частей нашего хозяйства, то можно á priori сказать, что при отсутствии плановой директивы, при отсутствии директивного воздействия со стороны социалистического сектора, будет налицо достаточно благоприятная среда для развития именно капиталистических отношений. Но может быть это и „требовалось доказать" авторам рассматриваемой концепции планирования?

В основе такой концепции, в сущности целиком отвергающей возможность планирования, лежит своеобразный фатализм. Существует один путь хозяйственного развития. Этот путь заранее предрешен и предопределен как в своих основных контурах, так и в деталях. Задача, в сущности, сводится к познанию этого предрешенного хода хозяйственного развития. Эта задача, при современных познавательных способностях и возможностях в этой области, поддается разрешению лишь в самых общих чертах. Если выполнение этой задачи из вежливости или из тактических соображений называется „планированием", то вряд ли эта игра словами может кого-либо ввести в заблуждение. Во всяком случае, от неправильного словоупотребления сия собака отнюдь не превращается во льва.

Следует, однако, заметить, что большинство спорящих по вопросам методологии планирования не разделяет изложенной концепции, по крайней мере, в ее чистом, неприкрытом виде. В самом деле, обычно спор начинается с вопроса о критериях, положенных в основу построения того или иного плана. Не трудно сообразить, что самая постановка вопроса о критериях предполагает совершенно иной подход к делу планирования, чем охарактеризованный нами выше.

Что такое вопрос о критериях того или иного плана? По существу — этот вопрос о целевой установке плана. Самая постановка этого вопроса свидетельствует о признании того факта, что в основе всякого плана должна лежать та или иная целевая установка. Что значит это признание? Из этого признания с полнейшей неизбежностью следует ряд существенных выводов. Раз возможен план, исходящий из определенной целевой установки, значит не существует предопределенного заранее пути хозяйственного развития. Стало быть, вообще возможно несколько различных путей. В выборе того или иного пути заключается задача, разрешаемая в соответствии с поставленной целью. Одно лишь голое предвидение хода хозяйственного развития являлось бы в наших условиях задачей, допускающей многозначное решение. Эта задача превращается в однозначную лишь при добавлении одного условия, а именно: критерия или целевой установки плана. Из плюрализма возможных вариантов хозяйственного развития выделяется, таким образом, о д и н вариант лишь при условии привнесения целевого момента.

Повторяем, когда ставится лишь вопрос о критериях плана, этим самым молчаливо признается плюрализм возможных вариантов. Этим самым признается и необходимость внесения целевой установки для выбора того или иного из возможных вариантов. Этим самым отвергается фаталистическое представление, заменяющее план одним лишь прогнозом.

2. Прогноз и директива

Хозяйственному плану, как и всякому плану вообще, присущ, стало быть, элемент цели. Знание цели, наличие целевой установки является необходимым условием для построения плана. Что еще необходимо для всякого плана? Знание действительности, учет обстановки, условий, ресурсов и сил, с которыми связано выполнение плана.

Планирование в условиях переходной экономики отличается чрезвычайной сложностью. Нет сомнения, хозяйственные планы завершенного социалистического общества будут неизмеримо совершеннее и выше наших нынешних. Но они будут в то же время несравненно проще. Они будут обладать принципиально иным характером.

В чем принципиальная особенность хозяйственного плана в условиях советской экономики? Это—план для переходной хозяйственной системы, в которой сосуществуют элементы социалистического и досоциалистического хозяйства, в которой сочетаются моменты сознательного и стихийного хозяйственного процесса, в которой функционируют рынок и плановое начало. Это — план для такой системы, которая воплощает в себе одновременное сосуществование и борьбу двух начал, непримеримо враждебных друг другу. Рано или поздно эта борьба должна завершиться полной победой одного начала и уничтожением другого.

В этой обстановке план выступает, как боевое оружие одного из этих борющихся элементов—социализма. Знание противника—одно из основных условий для успешной борьбы. Это условие приобретает тем более важное значение, что речь идет о знании того контрагента, который входит составной частью в ту же функционирующую и, следовательно, обладающую необходимой степенью единства систему.

Хозяйственная действительность представляет собою об'ект чрезвычайно динамического свойства. Поскольку мы имеем дело с переходным хозяйством, а не с законченной социалистической системой, изменения, протекающие в области экономической действительности, являются лишь отчасти результатом планового воздействия; в другой части они являются результатом стихийного процесса. Вернее сказать — ход хозяйственного развития в условиях переходной экономики представляется в виде равнодействующей двух сил: стихийного процесса и сознательного планового строительства. Познание действительности, являющееся необходимой предпосылкой успешного планирования, в этих условиях сводится к познанию изменяющейся обстановки, к познанию того хода раз-

вития, который является функцией взаимодействия двух начал: стихийного и планового. Это познание осуществляется на путях прогноза, предвидения, учета будущей хозяйственной обстановки.

Встает вопрос о взаимосвязи между целью — этим основным конституирующим моментом всякого плана,— и прогнозом — этой необходимой предпосылкой современного хозяйственного планирования. Следует заметить, что в той небольшой (главным образом, журнальной) литературе, которая посвящена вопросам методологии планирования, этой проблеме уделяется большое, если не исключительное внимание. Несмотря на это,—а может быть именно потому,— здесь достаточной ясности не существует.

Самый факт связи между прогнозом и директивой, предвидением и предуказанием, познанием и целью, генетикой и телеологией[1] бесспорен и очевиден. Неясность и разнобой мнений начинаются, однако, при переходе к следующим трем вопросам: 1) характеристика этой связи и взаимозависимости; 2) изменение этой взаимосвязи и зависимости от об'екта планирования; 3) то же изменение в зависимости от сроков планирования. К краткой характеристике этих трех сторон проблемы сейчас переходим.

Каково отношение между прогнозом и директивой в наиболее общих чертах? Без прогноза директива немыслима, зато, напротив, прогноз прекрасно мыслится вне зависимости от какой-либо директивы. Уже это простое соображение показывает, что совершенно несостоятельна тенденция к идентификации этих двух важнейших элементов современного планирования. Вот одна из подобных попыток: „Между „предвидением“ и „предуказанием“ нет никакой противоположности. Наоборот, они могут и должны представлять собою совершенное единство. Чем лучше мы сможем предвидеть, тем лучше будут наши директивы; чем больше в плане „элементов“ прогноза, тем больше и „элементов“ предуказания“.[2] Странный характер утверждения, заключающегося во второй половине подчеркнутой автором фразы, бросается в глаза. В самом деле, почему, собственно, в каком-либо плане не может сочетаться много прогноза и мало директив? Страницей ранее сам автор этого неудачного „открытия“ („чем больше, мол, прогноза, тем больше директив“) целиком подтверждает такую возможность. Так, он упрекает тов. Струмилина в том, что „составленная под его руководством пятилетка меньше всего имеет в себе элементов „предуказания“; роль „предвидения тяготеет над ней в гораздо большей мере, чем над любым годовым планом“.[3] Стало быть, мало предуказания, но зато много предвидения. Видимо, автор здесь не „предви-

[1] Последние термины предложены В. А. Базаровым („План. Хоз.“, 1926 г., № 7).

[2] М. Бирбраер, „К вопросу о методологии построения „перспективных планов“ („Эконом. Обозрение“, № 6 за 1926 г., стр. 98). Сходные формулировки читатель найдет в статьях Н. Д. Кондратьева („План. Хоз.“, № 4 за 1927 г., „Пути сельского хозяйства“, № 2 за 1927 г., и „Вопросы кон'юнктуры“, т. II, вып. 1, изд. НКФ, 1926 г.).

[3] М. Бирбраер, цит. соч., стр. 97.

дел", что через десяток строк с его легкого пера сорвется более чем рискованное открытие, находящееся в вопиющем противоречии с такой, совершенно правильной постановкой вопроса (мы здесь, разумеется, оставляем совершенно в стороне упрек, адресованный госплановской пятилетке, по существу: этот упрек не стоит ни в какой связи с разбираемым в данном месте вопросом).

Можно ли, однако, утверждать, что прогноз и директива „должны представлять собою совершенное единство" и что между ними „нет никакой противоположности"? Не трудно видеть, что „совершенное единство" понимается здесь не в смысле диалектического единства, включающего в себе момент противоречивости (единство противоположностей, тождество в различии). Нет, „совершенное единство" здесь понимается в смысле простой формальной логики, ибо между „едиными" элементами „нет никакой противоположности". Здесь, в сущности говоря, провозглашается не более и не менее, как полная тождественность прогноза и директивы. Между ними не только нет противоположности; скрадывается, в сущности, всякая разница между этими понятиями. Между ними нет никакой разницы. Хороший прогноз равен хорошей директиве. Элемент директивы целиком растворяется в прогнозе. Роль директивы сводится к тому, чтобы „освящать" тот или иной прогноз. Мы уже встречались со сходной философией. По существу—это отрицание целевого момента в плане. Роль „плана" сводится к предвидению стихийного хода развития, протекающего безо всякого плана. Роль директивы сводится к прогнозу того хода развития, который совершается безо всякой директивы.

Между прогнозом и директивой существует, разумеется, теснейшая связь. Более того, оба эти момента безусловно составляют единство. Но единство диалектическое. План — это и есть диалектическое единство прогноза и директивы. Это означает, что между этими двумя элементами плана существует известная противоположность. Противоположность, разумеется, не в том грубом и карикатурном смысле, что чем больше, мол, директивы, тем меньше должно быть прогноза, или чем лучше директива, тем хуже прогноз. Так изображать дело можно только в анекдоте. Тем не менее, в действительности между прогнозом и директивой существует не только единство, но и противоположность. Согласованность прогноза и директивы отнюдь не устраняет различия между ними. Если это две стороны одного явления — плана, — то это, во всяком случае, две различные и противоположные стороны. Так, например, план обобществления сельского хозяйства через кооперирование, выраженный в определенных директивах, отнюдь не совпадает со вполне законным прогнозом известного роста капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Здесь директива имеет задачей как бы сломить, преодолеть тенденции, намечаемые и регистрируемые прогнозом.

В зависимости от изменения об'екта или срока планирования говорят о большем удельном весе директивы по сравнению с прогнозом или, наоборот, прогноза по сравнению с директивой. Именно несовпадение, противоположность до известной степени между этими элементами узаконяет такую постановку вопроса.

Обратимся, однако, к вопросу по существу.

Первый вопрос касается об'екта планирования. Планирование охватывает не только весь народнохозяйственный организм в целом, но и отдельные его части. Более того, планирование всего народнохозяйственного целого неизбежно распадается на планирование отдельных его частей. Известная диференциация является здесь совершенно необходимой предпосылкой для дальнейшего интегрального обобщения. Совершенно понятно, что отдельные секторы народнохозяйственного целого представляют собой в условиях переходной экономики об'екты планирования, весьма неодинакового свойства. Оставляя в стороне другие, более дробные подразделения, следует отметить своеобразие каждого из двух основных секторов нашего хозяйства. Обобществленный сектор представляет больше простора директивному моменту в планировании; в отношении необобществленного сектора превалирует, напротив, элемент прогноза. В такой общей формулировке это положение обладает, в сущности, очевидностью. Возражения, которые по этому поводу делаются, основаны в значительной мере на желании во что бы то ни стало соригинальничать: все, мол, утверждают, что в отношении обобществленного сектора значение директивного момента сильнее, а я с этим не соглашаюсь. В качестве довода служит соображение о той связи, которая существует между обобществленным и необобществленным секторами. Так как между различными секторами существует взаимосвязь и взаимозависимость, то простор для директив везде одинаков. Элементарная ошибочность подобной точки зрения бьет в глаза. Все на свете, как известно, связано между собой. Когда мы подвергаем какое-либо целое дроблению, мы меньше всего отрицаем наличие связи между различными подразделениями. Помимо связи между частями, существует, однако, также различие между ними. Смысл разделения целого на части как раз в том и заключается, что выделяются комплексы, обладающие известным единством своеобразных признаков. Конечно, связь, которая существует между госпромышленностью и прочими элементами народного хозяйства, в известной мере ослабляет эффективность директивного начала. Однако, на этом основании ведь никак нельзя отрицать того факта, что государству несравненно легче осуществлять свои директивы по отношению к обобществленной промышленности, нежели к распыленному индивидуалистическому хозяйству. В противном случае пришлось бы отрицать и законность различия между особыми формами общественных отношений, выражающимися в разных секторах нашего хозяйства.

Такая „сплошная“ трактовка нашего хозяйства уже сама по себе представляет грубейшую принципиальную ошибку.

Что касается зависимости от продолжительности сроков планирования, то здесь более или менее общепринятое мнение насчет отношений между прогнозом и директивой сводится к следующему. При планировании на короткий промежуток времени (год) об‘ективная обусловленность давит на план с максимальной силой. Но по мере удлинения сроков (переход к пятилетке и, далее, к генеральному плану) открывается все больший простор для целесообразной постановки задач крупного масштаба. Против этого взгляда встречаются иногда возражения. Так, мы встречаем даже утверждение, будто подобное положение „в известном смысле стоит на голове, если его повернуть, то оно будет гораздо вернее“.[1] В защиту подобного „перевернутого“ взгляда приводится следующее соображение. В пределах небольшого отрезка времени (скажем, года) можно гораздо полнее и точнее учесть все условия хозяйственного развития, чем для более значительного срока (5 или 10 лет). А так как возможность директивного творчества неразрывно связана с возможностями в области прогноза, то отсюда ясно, что наибольшая свобода в смысле директив существует именно для годичного планирования, в отличие от многолетнего. В сущности говоря, мы здесь имеем лишь продолжение и логическое следствие той основной ошибки, которая заключается в идентификации прогноза и директивы, в полном отождествлении этих двух моментов и в игнорировании разницы и противоположности, до известной степени существующей между ними.

3. Конкретизация целей

Считается чуть ли не признаком хорошего тона жаловаться на невыясненность и на неопределенность целевых заданий в деле перспективного планирования. Уничтожению этого зла сильно мешает, по нашему мнению, неопределенность самих этих жалоб.

В самом деле, разве основная целевая установка советского хозяйственного строительства недостаточно ясна и бесспорна? Основное целевое задание в деле перспективного планирования дано, в сущности, природой советской хозяйственной системы, сложившейся в результате Октябрьской революции. Поскольку советское хозяйство является переходным от капитализма к социализму, постольку ясна и основная задача, встающая при намечении перспектив развития этого хозяйства. Эта задача может заключаться только в одном: в социалистической перестройке хозяйственного организма в целом.

Если основная цель ясна и бесспорна (разумеется, для всех тех, кто рассматривает советское хозяйство именно как переходное к социализму), то чем об‘ясняются жалобы на неопределенность

[1] М. Бирбраер, цит. соч., стр. 98.

критериев, которые должны лежать в основе перспективного планирования? Эти жалобы об‘ясняются, по нашему мнению, двумя обстоятельствами. Прежде всего, под одним и тем же словечком „критерий“ зачастую понимают совершенно различные вещи. А затем, следует признать, что определенность конечной цели в ее самой общей формулировке еще не дает достаточного представления обо всех конкретных целевых установках, которые варьируют в зависимости от конкретного характера того плана, о котором идет речь.

Обратимся к первому обстоятельству. Положим, речь идет о промышленном плане. Обычно можно услышать при этом ссылки на следующие „критерии“ (среди множества других): 1) необходимость вытеснения частного капитала и роста обобществленной индустрии; 2) необходимость сообразоваться с импортным контингентом сырья и оборудования; размер этого контингента, в свою очередь, обусловлен экспортом; 3) создание равновесия на рынке, ликвидация (или недопущение) товарного голода и связанных с ним явлений. Мы привели в качестве примера три различных „критерия“. Наш пример дает представление о тех трех различных по существу понятиях, которые так часто некритически об‘единяются под общим ярлыком „критерия“. Первый „критерий“ представляет собою ц е л е в у ю у с т а н о в к у, второй — л и м и т, третий — у с л о в и е. Совершенно ясно, что при выработке плана следует учитывать и лимиты и условия. Из этого, однако, не следует, что их надо смешивать с целевой установкой и об‘единять под общим расплывчатым названием. Наоборот, если желательна ясность в отношении целевой установки, следует прежде всего отказаться от смешения цели с двумя понятиями совершенно иного логического порядка: лимитом и условием. Эти три категории играют совершенно различную, частью даже противоположную роль в деле планирования. Если цель является активным, ведущим началом положительного характера, то лимит играет роль ограничивающего момента, стало быть, негативного обстоятельства; условие же имеет по существу пассивное значение.

Перейдем ко второму обстоятельству. Совершенно понятно, что основная цель хозяйственного строительства должна принимать различные конкретные выражения в зависимости, прежде всего, от двоякого рода условий: во-первых, от об‘екта планирования и, во-вторых, от характера плана (в первую очередь, от срока, на который вырабатывается план). Поясним это обстоятельство следующим популярным примером. Для своей планомерной политической деятельности любая компартия в капиталистической стране не может ограничиться выставлением лишь своей основной и конечной цели, каковой является коммунизм. Компартии приходится, прежде всего, конкретизировать эту конечную цель, выставляя требование диктатуры пролетариата и намечая ряд мер, которые должны быть осуществлены после завоевания политической власти. Однако, этой конкретизации далеко недостаточно во всех случаях, когда устано-

вление пролетарской диктатуры не стоит непосредственно в порядке дня. В зависимости от конкретной обстановки партия выполняет те или иные стратегические планы и маневры, выставляет те или иные тактические лозунги. Эти лозунги могут изменяться даже в зависимости от того, к какому слою пролетариата или трудящихся масс вообще они обращены: к батраку часто идут с иными повседневными лозунгами, чем к индустриальному пролетарию, а к городской бедноте, инвалидам войны и т. д.— с иными, чем к парцеллярному крестьянству.

Точно также обстоит дело в отношении целевой установки при планировании переходного хозяйства. Основная цель — социалистическая трансформация производственных отношений — приобретает различное конкретное выражение, облекается в различную форму, наполняется различным содержанием, в зависимости от об'екта планирования и от характера плана. Во многих случаях это до чрезвычайности ясно. Если планируется крупная промышленность, то рост обобществленного сектора возможен в основном лишь за счет вытеснения частнокапиталистических элементов. При планировании сельского хозяйства рост обобществленного сектора проектируется, главным образом, за счет кооперирования простого товарного хозяйства. При планировании на год нельзя ставить перед собою столь обширных задач и всеоб'емлющих целей, как при планировании на 5—10—15 лет.

Существует, таким образом, значительная вариация целей. Имеет ли здесь место, однако, гетерогенность целей, столь характерная для анархического бессуб'ективного хозяйственного целого? Ясно, что нет. Не множественность целей, не противоречивость целей характеризуют процесс социалистического хозяйственного строительства, а наоборот — единство цели. Частичные цели являются лишь составными элементами общей и главной цели. Частичные коллизии между целями различного порядка здесь не только теоретически возможны: они постоянно встречаются на практике. Разрешение этих коллизий мыслится в форме оптимума соотношений различных, подчас противоречивых моментов. Само определение и нахождение этого оптимума возможно, однако, в каждом отдельном случае лишь под углом зрения вышестоящей, принципиально доминирующей цели. Здесь важно отметить следующее. Каждая частичная цель может служить условием для осуществления следующей по порядку, более всеоб'емлющей, более широкой по охвату целевой установки. Напротив, широкое по своему значению целевое задание может и должно предполагать в качестве условий своего осуществления ряд подчиненных, частичных целей. Этим, пожалуй, об'ясняется частое смешение категорий цели и условия под общим названием критерия. Различать эти две категории все же необходимо, как необходимо различать целевые установки разного порядка.